

ДРАМА О ТЕАТРЕ

«Шутники» едут в Мусорку

Знакомство мое с Сызранским городским театром началось не в самой Сызрани, а на гастролях — в Мусорке Куйбышевской области.

Дорога до колхоза сложная. Пять-десять минут хорошего дождя, и автобус с актерами и грузовой машина с декорациями прочно засядут в коварном суглинке. Кстати, так уже было: едут сызранцы в Мусорку третий раз.

— Наконец-то... доехали, — встретил нас председатель колхоза. В голосе упрек. Три года добывался колхоз разрешения построить Дом культуры, девять месяцев строил, год как стоит, а театр приехал впервые.

До спектакля добрых полтора часа, но к Дому культуры уже идут самые нетерпеливые зрители. На вопрос, все ли билеты проданы, заведующий махнул рукой: не знаем, что с «обиженными» делать, многим придется ждать до другого раза.

Наконец открылся занавес. Начались «Шутники» А. И. Островского. В зале очень тихо. Для многих эта встреча с театром не только редкость, она — первая («Если и ездили в Куйбышев — все больше в цирк», — шепнул сосед слева)...

И вот, возвращаясь обратно все в том же трлском, стареньком театральном автобусе, я попыталась ответить на вопрос: а состоялась ли сегодня встреча зрителя с театром? И при всем уважении к актерам, которые проделали нелегкий путь, чтобы добраться до колхоза, мне могла покровить душа.

Нет, встреча с искусством не состоялась. Ради чего была выбрана именно эта далеко не лучшая пьеса Островского? Может быть,

для того, чтобы рассказать об униженных и оскорбленных, призвать к гордости и достоинству человека? Но ничего этого в спектакле нет. Зато много слезливости, откровенного наигрыша и безвкусицы, ужасающего штампа. История бедного чиновника, вынужденного унижаться перед своими «покровителями», чтобы как-то существовать, превратилась в довольно веселый дивертисмент, где каждый участник старался изо всех сил превзойти партнера. «Перинграл» всех артист И. Дубровин — купец. Раз отрицательный — получай все пороки. Уж где там помнить о Станиславском и его не только знаменитом, но и очень полезном замечании — играешь злодея, ищи, где он добрый.

С недоумением расходились люди, так и не поняв, о чем же им, собственно, рассказали. Отсутствие современного, режиссерского прочтения пьесы, творческого подхода к решению образов привело к искаженному представлению зрителя об искусстве театра. И кто знает, сколько усилий понадобится, чтобы его исправить, сколько придется ждать «до другого раза».

Предположим, «Шутники» — случайная неудача театра. Тогда все поправимо. Ну, а если «постоянная»? Ведь она никого не взволновала в театре. Спокоен главный режиссер: «Что можно было сделать, когда ставил пьесу человек «приглашенный», и мы увидели, что спектакль не готов, когда он уже был готов?». Не возмущались актеры, ступив куляком по вообразимому столу: «Не будем играть, нам стыдно за свою актерскую корпорацию!». Очевидно, неудачи, подобные «Шутникам», не могут пройти бесследно. Они портят вкус не только у зрителя, но и у исполнителей, притупляют их требовательность к себе. Многие из участников спектакля попросту не остались видеть его духовную бедность. Иначе не обмолвились бы перед началом: вы не видели па-

ших «Шутников»? Посмотрите, получите удовольствие...

На глазок

— Последние несколько лет сызранский театр закономерно шел к «Шутникам», — говорят люди, хорошо знающие коллектив. Не будем забираться так далеко, в сегодняшнем дне попробуем найти истоки безрадостного итога.

Скоро середина лета, потом отпуск, а там и начало нового сезона не за горами, но репертуарные прогнозы в устах главного режиссера звучат неуверенно.

— Хочется поставить «Федора Иоанновича», Шекспира, — наверное, это будет «Комедия ошибок»: нужна русская классика, — очевидно, «Месяц в деревне» Тургенева. Думаем взять «День тишины» М. Шатрова, уже начали репетировать «Дениса Давыдова».

Большой театральный опыт за плечами у Г. Л. Дроздеса, но сейчас его слова мало похожи на серьезные заверения руководителя коллектива. Кажется, названия эти возникли только потому, что они вообще интересны и значительны, без малейшего учета реальных возможностей.

Действительно, хорошо бы все это поставить... Но с кем? Кто будет играть роль В. И. Ленина в пьесе Шатрова, есть ли актеры для шекспировской (а не просто) комедии, для Тургенева, где нужно уметь «разговаривать», а не представлять?

Не должна ли забота о людских резервах опережать репертуарную? Сейчас у сызранцев нет основных героя и героини, только греть состав — в возрасте до 30 лет. Многие актеры вообще приглашаются заочно в результате переплани. В труппу нередко входит человек, которому каждую новую роль дают, чтобы «загрозить», а совсем не потому, что он может ее сыграть.

Итак, и репертуар, и актеры — те, кто должны вдохнуть в него

жизнь, все это — «на глазок». Не плохая почва для появления слабых, искажающих представление о настоящем театре постановок.

Вводы... и выводы

Идет репетиция. Вводят новые актеры в спектакль «В день свадьбы».

— Работаете над постановкой два месяца, а потом с одной репетиции вводите, — говорит режиссер. — Сейчас делаем «сельский» вариант. Кое-что упрощаем...

Невольно думаешь, а не слишком ли много в театре вводов? В «Петровне, 38», например, одна треть исполнителей вошла уже в готовую работу. Вместо того чтобы стать творческим моментом в жизни актера, «ввод» превратился в некий спасательный акт для сохранения названия в репертуаре.

В Сызранском театре установилось негласное правило — большие одного-двух лет молодого актера здесь не удерживать. А если расшифровать — за сезон «обновляется» треть состава. Не успеет человек приехать, оглядеться, познакомиться с товарищами по работе, «обжить» новый для него город, как его уже сдает «охота и перемест». О каких традициях, сплоченности и творческой дружбе может идти речь, о каком стилевом единстве или общности спенического языка? Ведь театр — это не просто заполненное по всем правилам штатное расписание. Для того чтобы воспитать коллектив, превратить его в группу единомышленников, нужен хотя бы такой фактор, как время.

Почему же актер превращается в «перебегчика»? Причина в творческой неудовлетворенности, организационной неустойчивости, бесхозяйственности, которые встречают его в Сызранском театре. Трудно смириться с тем, что все время актера заполнено репетициями и спектаклями, а возможность пополнить профессиональные знания, обогатить жизненные наблюдения, необходимые для творческого ро-

ста, сводится чуть ли не к нулю.

Последний сезон доживает в Сызрани молодая актриса Г. Мидзеева выпускница Саратовской студии. Причина ухода уважительная: мужа (он коичает ту же студию) пригласили в Уфимский драматический театр. Конечно, если бы здесь было интересно... А так — лучше, что сюда не едет.

Новое здание театра — на главной улице, в самом центре Сызрани. Оно красиво не только внешне: прекрасно оборудована сцена, удобный зрительный зал, светлое, уютное фойе. Но этот театр не ломится от публики, у его входа никто не спрашивает с надеждой лишнего билета.

Наш город не театральный, оправдываются в Сызранском драматическом. Но когда о каком-нибудь городе говорят, что он «театральный» — это значит, что там есть театр, который сумел пробудить у зрителя чувство прекрасного, научил его сначала понимать, а потом и любить искусство, стал неотъемлемой частью его духовной жизни.

А нужен ли городу театр, духовная «продукция» которого осядет вне поля зрения жителей? Театр, не умеющий ответить на вопросы сегодняшнего дня, приобщить людей к познанию прекрасного, собирающий на втором после премьеры спектакле немногим более ста двадцати зрителей, а после шестнадцатого — вычеркивающий это название из афиши?

Почему мы до сих пор миримся с тем, что рядом с крупными областными городами, где есть высококвалифицированные театральные труппы, существуют так называемые «маленькие» театры типа сызранского, требующие к себе снижающегося отношения, но не оправдывающие высокого назначения — шести людям настоящее искусство? Может быть, стоит подумать над тем, чтобы расширить творческий состав иных областных театров за счет городских? С «большого» театра и спрашивать можно будет по большому счету!

М. САБИНА.

(Наш спец. корр.)

Куйбышевская область.